

Приношение ученому монашеству

Мысли вслух

Митрополит Калининградский Кирилл,
председатель Отдела
внешних церковных связей

Институт ученого монашества подвергался критике еще в дореволюционное время: многие говорили тогда, что место монаха в монастыре, а при академиях остаются только те, кто стремится к карьерному росту. Хотя действительно получалось, что большинство архиереев были из ученых монахов, но подлинная причина не в том, что эти молодые люди были сплошь карьеристами. Епископские кафедры должны занимать люди, во-первых, имеющие духовный опыт и духовную подготовку — это дает пребывание в монашеском братстве, и во-вторых, люди достаточно образованные, способные становиться лидерами своего народа. Ученое иночество максимально соответствовало этим требованиям.

Выдающиеся иерархи начала XX века — митрополит Антоний (Храповицкий) и архиепископ Сергей (Страгородский) были горячими сторонниками ученого монашества. Оба иерарха много потрудились в качестве ректоров духовных школ и оба они особенно заботились об образовании для монашествующих, о создании в среде духовенства элиты в хорошем смысле этого слова.

Во второй половине двадцатого века продолжателем их дела был приснопамятный митрополит Никодим (Ротов). При его непосредственном влиянии в Ленинградской духовной академии сложилась группа монахов, занимавшихся научно-богословской и препода-

вательской деятельностью. Затронул этот процесс и Московскую академию. Владыка Никодим основал аспирантуру при Отделе внешних церковных сношений, в которой обучались многие монашествующие, ставшие впоследствии архиереями.

В нашей Церкви всегда были, есть и, я верю, будут молодые люди, желающие посвятить себя церковному служению и стать монахами, проявляющие в то же время значительный интерес к научно-богословской деятельности. Значит, должно существовать и ученое монашество.

Митрополит Боровский Климент,
управляющий делами
Московской Патриархии

Господь наш Иисус Христос в Святом Евангелии указал на то, что путь к жизни вечной открывается через познание Единого Истинного Бога. Однако богопознание возможно только при условии сердечной чистоты, которая есть результат покаянного устремления человека к Богу и ответного действия Божественной любви, очищающей сердце человека. Боговедение достигается правильной духовной жизнью и знанием вероучительных истин, к чему и призвано монашество.

На протяжении многовековой истории христианства на русской земле монастыри были духовными центрами, в которых люди получали спасительные знания о Боге и о Его творении. В современном мире, когда перед светским человеком остро стоят извечные вопросы,

связанные с осмыслением цели земной жизни, иноческие обители призваны помочь алчущим и жаждущим правды в обретении Пути, Истины и Жизни.

Важно отметить, что научные знания могут быть полезными для человека, если он не надмевается ими, а использует для прославления Создателя и во благо ближних. Только при таких условиях знания обретают подлинный смысл. Достаточно вспомнить о трудах и заслугах многих выдающихся ученых монахов XX века, например, таких как святитель-исповедник Лука (Войно-Ясенецкий) и священномученик Серафим (Чичагов). В наш век развития образования и науки, когда в храмы и монастыри приходят люди с высшим образованием, ученость для монашества — это насущная необходимость, которая помогает ему быть солью земли и светом миру.

Архиепископ Тихвинский Константин,
ректор Санкт-Петербургской
духовной академии

Два кита, на которых держится церковная наука — это ученое монашество и академическая профессура. Они занимаются научной работой и ничем больше. Однако сейчас людей, которые принимают монашество с тем, чтобы всецело отдать себя богословским наукам — невероятно мало. Это «штучный товар», с такими людьми надо «носиться». Хотя в Московских духовных школах благодаря влиянию Троице-Сергиевой Лавры есть приток молодых сил, но в целом наблюдается серьезный спад количества монашеских постригов. Даже двадцать лет тому назад, несмотря на давление со стороны государства, их было намного больше — около трети выпускников Академии носили ангельский образ.

Всю жизнь я считал, что самое счастливое состояние для монаха — заниматься не какой-либо иной, а именно научно-богословской деятельностью. Это состояние надо вкусить, в него надо окунуться — человек, который вкусил сладости научной работы, ее уже не оставит.

Архиепископ Верецкий Евгений,
ректор Московской духовной академии

Есть распространенное мнение, что быть монахом в духовной школе или в каком-либо церковном учреждении «не спасительно». К слову

скажу, такого суждения я не слышал ни от кого из духовно опытных монахов, всю жизнь проживших в монастыре. Спору нет — иноку лучше всего пребывать в монастыре. Однако нужно понимать, что в деле спасения решающую роль играют не монастырские стены, а дух монашеского братства, в котором воспитывается и возрастает от силы в силу новоназначенный инок. Если ты реально, а не формально положил в основу своей жизни молитву и монашеские обеты послушания, целомудрия и нестяжания, то ты можешь совершать свое служение в самых разных обстоятельствах.

Хотелось бы, чтобы наши студенты во время учебы принимали решения, основанные на опыте Церкви и учитывали как внешние обстоятельства, так и свои собственные наклонности и устремления. Это будет для них залогом правильного определения своего жизненного пути, тем более, если они стремятся к монашеской жизни.

Игумен Дамаскин (Орловский),
член Синодальной Комиссии
по канонизации святых

Сегодняшнее положение церковной науки — прежде всего, отсутствие научных школ — требует от ученого чрезвычайных усилий, подвига. Но для ученого монаха научные исследования — это его аскетический путь, его послушание, которое при условии добросовестного исполнения становится его путем ко спасению. Однако наука не должна становиться самоцелью. Преподобный Иоанн Дамаскин, святители Афанасий Великий и Кирилл Александрийский тоже были учеными монахами, но их ученость не была абстрактной, они давали ответы конкретным людям на жизненно важные вопросы. Именно в силу такой практической направленности их труды и тогда принесли плоды, и теперь, через тысячу лет, не теряют своей актуальности.

В советское время христиане подвергались гонениям, и хотя сегодня открытых гонений нет, но интеллектуальное давление через прессу, то, что раньше называлось агитпропом, не ослабевает, а скорее наоборот, усиливается. И в этих условиях ученое монашество должно бы стать церковным интеллектом нации. Современные люди настолько духовно несамостоятельны и несведущи даже в самых простых церковных истинах, что ввести их в заблуждение с помощью средств массовой

информации не составляет труда. Церковная наука должна помочь человеку не заблудиться, не стать обманутым.

Игумен Андроник (Трубачев),
доцент Московской духовной академии

Наука — это дерево, которое произрастает от изобилия. Пока не будут решены внешние проблемы: строительство, восстановление храмов и монастырей, — наука будет отодвигаться на второй план. Обычная ситуация: встречаются настоятели монастырей, и один говорит: «У меня разведено такое-то стадо», — а другой: «У меня обрабатываются такие-то пашни». Но никто из них не скажет: «У меня организовано ученое братство».

А одиночки-энтузиасты всегда есть и будут, но судьба их очень сложная. Сколько я знал представителей ученого монашества, они, как правило, очень рано умирают: игумен Марк (Лозинский) умер в 44 года, архимандрит Иннокентий (Просвирнин) — в 54 года, архимандрит Георгий (Тертышников) — в 57. Это связано с тем, что наука требует очень больших нервных затрат, и это при том, что ученое монашество не освобождается от других послушаний. Впрочем, сам монах, конечно, получает пользу от своих «ненаучных» послушаний, но организм не выдерживает.

Поэтому современному ученому монашеству можно пожелать только терпения. Как говорил святитель Игнатий (Брянчанинов), крест каждого человека — это те условия, в которых он живет. Если церковная наука является не востребованной в той мере, в какой хотелось бы, то с этим надо смириться и делать то, что возможно.

Иеромонах Дионисий (Шленов),
заведующий Греческим кабинетом
при Московской духовной академии

На ученом монашестве лежит особая ответственность — не только за церковную науку, но и за самих себя. Занимаясь научной деятельностью, оставаясь на уровне логических дефиниций, нельзя забывать о деятельности внутренней и духовной. Нередко можно услышать, что занятие богословием — немалый труд, своеобразная аскеза сама по себе, но эта «переоценка» не совсем верна. Для ученого монаха изучение православного богословия и святоотеческих творений не должно превра-

щаться лишь в интеллектуальное упражнение, ему необходимо соотносить свою жизнь с учением Отцов, руководствоваться словами святителя Григория Богослова, что именно «делание есть восхождение к созерцанию».

Однако столь же неверно было бы недооценивать богословские занятия. Быть может, легче стать святым без науки, чем святым с наукой — в научной деятельности много подвохов. Святитель Василий Великий, перечисляя препятствия для молитвы и говоря о ее соотношении с физическим трудом, ничего не говорит о соотношении молитвы с трудом интеллектуальным. Но сам святитель Василий для нас является примером органичного сочетания духовности и учености, например, в своем «Шестоднев» он не популяризатор, не простец — а воистину ученый муж.